

Т е м а н о м е р а Развитие человечества: теоретический концепт и социальная реальность

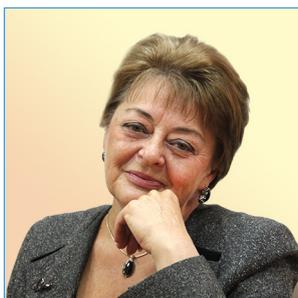

С о в р е м е н н о е   р а з в и т и е . К постановке темы исследования

Аксенова Ольга Владимировна –
кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Халий Ирина Альбертовна –
доктор социологических наук, руководитель
Центра политологии и политической социологии,
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва

E-mail: illaio@yandex.ru

Современное развитие. К постановке темы исследования

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.492](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.492)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы исследования современного развития общества. Её цель заключается в постановке исследовательских проблем и вопросов для анализа развития на Западе и в России. Показаны изменения в подходах к изучению развития на протяжении становления современного общества, а также особенности индустриального прогресса на Западе с позиций изменения субъектности человека в процессах производства и управления. Промышленное развитие приводит к следующим результатам: формирование сложной технологической системы, охватывающей все сферы жизнедеятельности общества, упрощение человека и всего, что связано с их (общества и человека) воспроизводством, утрата ими позиций субъекта действия. Субъектом действия становится сложная система, но она не способна функционировать в нестандартных ситуациях, не способна к быстрой мобилизации по причине коммерческого характера своих связей и взаимодействий. Обозначена специфика российской индустриализации, которая отличается от западной прежде всего тем, что человек является субъектом прогрессивных перемен, которые осуществляются им осознанно. Итогом развития в данном случае является формирование системы, в которой сложный труд не алгоритмируется полностью, человек сохраняет свободу действия и остаётся его субъектом, он по-прежнему способен решать нестандартные задачи. Особенность российского прогресса заключается также в том, что начинается он с копирования западных образцов, которые затем перерабатываются российской традицией. Отмечается необходимость анализа указанной традиции, которая, согласно исследованиям российских социологов, содержит прогрессистские ценности. Внутренние механизмы развития в России не ясны и требуют анализа, искать их следует в сфере культуры, так как рынок на протяжении всей российской истории был ограниченным. Показана относительность современного российского консерватизма, сочетание его со стремлением к прогрессу, к всестороннему развитию человека. Главным противоречием российского развития является противоречие между его российской и западной версиями. Сделаны выводы о необходимости, во-первых, анализа современных тенденций, которые традиционно рассматриваются как ориентир для российского развития; во-вторых, о необходимости выявления движущих механизмов традиционного развития, оценки возможностей и способов его соединения с современными технологиями.

Ключевые слова: развитие, прогресс, глобализация, технологическая система, сложное действие, алгоритм, актор, культура, традиция

Данная статья носит обобщающий и постановочный характер. Цель представленной в ней работы заключалась в том, чтобы обозначить основные особенности современных тенденций развития стран Запада и России, определить направление дальнейшего анализа, сформулировать вопросы, требующие исследования и обсуждения. Она основана (с позиций развития результатов и рабочих материалов) на осмыслении проектов, которые осуществлялись нами с начала 1990-х гг. в России и на Западе и включали себя изучение социальной самоорганизации, региональной и местной политики и управления, социального активизма в его различных проявлениях, роли профессионалов в модернизации и т. п.¹ Каждое из этих исследований, помимо выполнения своих основных задач, проявляло тот или иной аспект социальных трансформаций: институциональное развитие в сфере региональной и локальной политики и управления, формирование гражданского общества, соотношение традиций и инноваций, отношение граждан страны к модернизации, особенности развития технологической системы управления на Западе, становление акторской управленческой системы в России и ряд других.

Конец истории и развитие

Практически вся общественная мысль Нового времени изучала именно развитие социума, его причины, механизмы, внутреннюю логику перемен. Возникали разнообразные, опровергающие и дополняющие друг друга концепции, создавались теоретические инструменты, позволяющие понять и объяснить радикально меняющееся общество. В эпоху высокого модерна диалектику сменил анализ систем и функций. Статичный и формальный по своей сути, он был предназначен для изучения сложившегося общественного устройства. Последующие изменения также скорее наблюдались, фиксировались и каким-либо образом интерпретировались (информационное общество, постиндустриальное общество и т. п.). Социологи отметили наступление кризиса объяснительности. Так, Р. Коллинз связывал его с чрезмерно узкой специализацией исследователей и раздробленностью исследований [Collins 1989]. Можно предположить, что он связан также и с тем, что при переходе от модерна к постмодерну сущностные основания и движущие силы трансформаций радикально не менялись,

---

¹ Имеются в виду проекты, выполненные сотрудниками сектора изучения социокультурного развития регионов России, ныне Отдел анализа социокультурных оснований политических процессов Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН.

капитал усложнялся, глобализировался, но по сути оставался самовозрастающей стоимостью в полном согласии с марксовым определением.

Исследования развития во второй половине XX в. обособляются в обширную междисциплинарную отрасль (development studies), включающую социологию развития. В её рамках изучаются все стороны жизнедеятельности общества в связи с социальными переменами, их рисками и последствиями. Специфика этих исследований заключалась в том, что объектом анализа стали развивающиеся страны, а вектор их развития был определён и устойчив: движение к «современности», под которой понимается современное каждому этапу состояние западного общества.

Глобализация на первых порах лишь усилила и сделала ощутимой завершённость развития, которую Ф. Фукуяма обозначил концом истории [Фукуяма 2004]. Включение в глобальные потоки стало более важным, чем индустриализация и достижение уровня развитых стран в экономике, здравоохранении, образовании и прочих сферах, значимость исследования развития упала.

Однако в последние годы конец истории перестал ассоциироваться с лучшим из миров, которого в состоянии достичь человечество. Глобализация породила острейшие проблемы, которые коснулись и развитых стран: углубление неравенств между богатыми и бедными внутри стран золотого миллиарда, размывание среднего класса, физическое разрушение государств, миграционные потоки в развитые страны и т. п. Данностью стали ограниченность рынков и ресурсов, пределы экономического роста, замедление прогресса в науке и т. п.

В этих условиях предмет социологии развития определяется как социальные изменения, происходящие не только в развивающихся странах: «Более того, современные процессы трансформаций в Европе напоминают нам, что социология развития не может быть сведена к изучению «развивающихся стран», но нуждается также и во включении индустриальных стран» [What is development...]. Однако сомнения теперь возникают и в пункте назначения, и в характере самих социальных перемен. Можем ли мы любые перемены считать развитием? Являются ли таковыми, например, изменения семьи, гендерных отношений, воспитания и образования, которые осуществляются как инновационные и прогрессивные?

Трансформации не обязательно являются движением от простого к сложному, они могут вести к упрощению, к деградации сформировавшейся целостности. При этом откат назад, к состоянию общества, которое принято обозначать «архаикой», не обязателен. Вполне вероятны новые формы регресса, не связанные вовсе с традицией и культурой.

Специфика исследований development studies заключалась в том, что объектом анализа стали развивающиеся страны, а вектор их развития был определён и устойчив: движение к «современности», под которой понимается современное каждому этапу состояние западного общества.

Трансформации не обязательно являются движением от простого к сложному, они могут вести к упрощению, к деградации сформировавшейся целостности. При этом откат назад, к состоянию общества, которое принято обозначать «архаикой», не обязателен.

Сложность исследования заключается в том, что изменения слишком масштабны, они охватывают все без исключения сферы жизнедеятельности общества и человека. В этой связи представляется необходимым сфокусироваться на глубинных трансформациях общественного устройства, лежащих в основании множества других перемен. Таковыми, в частности, являются изменения позиции человека в процессах производства и управления.

Номo sapiens в технологической системе

История модерна позволяет проследить перемены, происходившие с человеком как с субъектом производственной и управленческой деятельности. Феномен отчуждения рабочего от процесса и результатов труда давно известен и изучен. Узкая специализация со времён мануфактуры снижает издержки и повышает производительность труда. Разделение труда углублялось по мере промышленного прогресса, что достаточно быстро привело к упрощению простого труда, утрате контроля над ним. Однако в XX в. наступила очередь труда сложного, требующего высокой квалификации. Профессионал превращался в специалиста, контролирующего постоянно уменьшающийся участок процесса производства или управления. Все действия и взаимодействия в сфере материального производства регулируются нормами и правилами, требования к исполнению которых с углублением специализации ужесточались. Вершиной такого развития стали современные технологии.

Словосочетание «высокие технологии» в настоящее время приобрели едва ли не сакральное звучание. Оно часто обозначает цель развития, средство, которое позволит развиваться быстро и устойчиво, а также товары, созданные при их помощи. Технология есть лишь алгоритм действия, чётко определённая последовательность шагов, программа, которую недопустимо нарушать. Социальное действие в современной технологической системе предельно алгоритмизировано. Человек вне зависимости от его образования, квалификации и позиции перестаёт быть его субъектом, или, по определению Б. Латура, его субъектность равна субъектности средств и предметов труда и вообще всего, что так или иначе с трудовым процессом связано, включая сам алгоритм действий [Latour 2005]. Свобода действия практически полностью исключена. Нарушение алгоритма содержит множество рисков: от производственного брака до техногенной катастрофы. Кроме того, узкий специалист не может принять верного решения вне пошаговой инструкции. Для этого у него просто нет достаточных знаний и умения свободно оперировать

Социальное действие в современной технологической системе предельно алгоритмизировано.

Человек вне зависимости от его образования, квалификации и позиции перестаёт быть его субъектом.

ими. Субъектом в этой ситуации является сама технологическая система, она сложная, гибкая, саморегулирующаяся, сетевая и т. п. При этом работник предельно функционализируется и упрощается [Аксенова 2016].

Развитие технологической системы сопровождается её экспансией во все сферы жизнедеятельности общества, нормируя и алгоритмизируя их. В работах Ю. Хабермаса и Ж. Эллюля показаны механизмы этой системной экспансии [Хабермас 1993; Ellul 1980]. Один из них достаточно очевиден: отпадает необходимость в знании фундаментальных законов природы, от специалиста требуется хорошая память, умение применять стандартные алгоритмы к стандартным ситуациям в очень узкой сфере деятельности, соответственно, существенно упрощаются среднее и высшее образование. Система становится тотальной, во всех сферах возникают сложнейшие структуры, сети организаций, но при этом редуцируется культура, функционализируются и формализуются человеческие взаимодействия, процессы атомизации социума сопровождаются упрощением личности. В то же время возможности коллективного, системного разума ограничены. Система не способна решать нестандартные задачи нестандартными методами, что подтвердил анализ аварии на АЭС Фукусима 1 [Аксенова 2016: 184–209]. Человек, редуцированный к функции, лишённый интересов и ценностей, не способен действовать самостоятельно.

Итогом технологического прогресса становится нарастающая структурная сложность социума, но при этом культура упрощается до исчезновения, ценности сводятся к нормам и правилам; наконец, упрощается сам человек, который перестаёт быть субъектом любого действия. Возникший в процессе эволюции интеллект теряет смысл в стандартизированной среде системы, которая сейчас охватывает практически всё: сложнейшую структуру современного капитала, управление жизнедеятельностью общества в целом и в отдельных сферах, технологические города С. Сассен [Sassen 2005], сетевые структуры гражданского общества, искусство и т. п.

Другое развитие

Процесс самовозрастания капитала не зависит от воли и сознания людей, как и рождённая им промышленная революция. В отличие от неё, импульс к промышленному развитию в России всегда носил вполне осознанный характер: в эпоху Петра I, во время реформ 1860-х гг. и в период советской индустриализации, в нынешних попытках реиндустриализации. Законы рынка управляли российской индустрией короткий отрезок времени, в конце XIX – начале

Возникший в процессе эволюции интеллект теряет смысл в стандартизированной среде системы, которая сейчас охватывает практически всё: сложнейшую структуру современного капитала, управление жизнедеятельностью общества и в отдельных сферах, сетевые структуры гражданского общества, искусство и т. п.

XX вв., который закончился революцией. Потребность в прогрессе чаще возникала по причине постоянной военной угрозы, необходимости выжить в колониальном мире. Для этого прежде всего надо было модернизировать армию.

Развитие каждый раз начиналось с точного копирования западных образцов, которые при столкновении с российскими условиями и российской традицией трансформировались в иную версию прогресса. Её главной чертой было сохранение субъектности человека на всех этапах индустриального развития, несмотря на неизбежное углубление разделения труда и рост специализации. Профессионал всегда сохранял контроль над сравнительно большим участком процесса производства и управления и определённую свободу действия. В этих условиях ценности выполняли функции регулирования и контроля действия, они не замещались нормами при всей важности последних. Образование до введения ЕГЭ и Болонской системы оставалось универсальным и фундаментальным, культура была важной составляющей индустриальной системы, поскольку без неё воспроизводство работника с необходимыми личностными качествами и ценностными установками было невозможно.

Зависимость развития от конкретного человека часто называют ручным управлением, которое должно быть заменено автоматическим функционированием институтов и организаций технологической системы. На самом деле появление актора «героя», обеспечивавшего прогресс в целом или на том или ином участке, есть результат функционирования не менее сложной и результативной системы, способной к быстрой мобилизации и работе в самых экстремальных условиях.

Внутренний механизм трёхсотлетнего развития в России в условиях ограниченного рынка практически не изучен. Начальные импульсы не затухали: медицина, военное и инженерное дело, наука, искусство быстро выходили на мировой уровень, сохранялись в условиях социальных катастроф, войны, разрухи. Представляется, что объяснение движению вперёд следует искать не в экономике, а в культуре, в особенностях традиций. Социолог А. Л. Андреев пишет об одержимости российского общества научно-техническим прогрессом и одновременной приверженности его традициям. Российскую модернизацию он называет традиционалистской [Андреев 2013: 79]. Наши исследования позволяют сделать обоснованное предположение о наличии традиции развития, сохраняющейся даже в периоды видимого усиления консервативных тенденций.

Современный российский консерватизм явление противоречивое. Власть, несмотря на традиционалистские декларации и идеологическую опору на церковь, остаётся одним из основных проводников западной версии прогресса, что, впро-

Развитие каждый раз начиналось с точного копирования западных образцов, которые при столкновении с российскими условиями и российской традицией трансформировались в иную версию прогресса.

Современный российский консерватизм явление противоречивое. Власть, несмотря на традиционалистские декларации и идеологическую опору на церковь, остаётся одним из основных проводников западной версии прогресса, что вполне традиционно.

чем, вполне традиционно. К ним просто добавились иные источники инноваций: глобальные организации, глобальные корпорации и т. п. Жители российских регионов сохраняют традиционные ценности, среди которых по-прежнему главное место занимает семья, а также прогресс, который для них складывается из научно-технического развития и развития личности. Последнее подтверждается не только ответами респондентов в интервью, но и их стремлением дать детям широкое образование.

Наши исследования показали, что принимаются лишь те инновации, которые соответствуют представлениям россиян о развитии. Одобряются инновации, устраняющие рутинные элементы деятельности, позволяющие сфокусироваться на её творческих составляющих. Отрицается всё, что ведёт к деградации культуры, разрушению семьи, алгоритмизации действия и утрате позиции его субъекта. Соппротивление такого рода инновациям вполне осознано, редко бывает открытым, ориентировано на преобразование неприемлемых нововведений.

В то же время для России была и остаётся характерной ориентация на Запад как на идеал прогресса, который следует непременно догнать, устроив жизнь в точности как там. Этот феномен также требует изучения. Он неизменен со времён язвительных монологов Чацкого и уживается каким-то образом с указанным выше неприятием поступающих с Запада реальных инноваций.

Развитие или рост

Есть ещё один актуальный и широко обсуждаемый аспект современного развития: его связь с ростом. Категории роста и развития долгое время оставались неразрывными. В основании обеих лежала всё та же самовозрастающая стоимость, её рост одновременно был развитием и ростом промышленности, городов, изобретений и внедряемых инноваций, качества жизни, уровня потребления и т. п. Иными словами, простое увеличение капитала, во-первых, проявлялось во всё более сложных формах, во-вторых, порождало развитие социума в целом и его отдельных сфер.

Осознание разницы между ростом и развитием началось в связи с экологическими проблемами. Бурный послевоенный промышленный рост привёл не только к повышению уровня благосостояния в развитых странах. Он сделал наглядными и физически ощутимыми экологические последствия функционирования современной индустрии: разрушение природных экосистем, опасное для здоровья загрязнение окружающей среды и т. п.

Разумеется, противоречивое единство роста и развития проявляется не только в связи с экологическими проблемами. Вероятно, что именно развёртыванием этого противоречия порождены описанные выше сочетания развития (усложнения) одних составляющих жизнедеятельности общества и деградация других. Но именно в сфере охраны окружающей среды данная дихотомия наиболее изучена и наглядна.

Общественная дискуссия о проблемах роста началась после публикации книги Р. Карсон «Тихая весна», описывающей последствия использования пестицидов [Carson 1962]. Ранее исключительно позитивная трактовка роста сменилась осознанием его неоднозначности. Экологические движения стали массовыми и сумели вынести проблемы охраны среды на политическую повестку. Опасность неограниченного роста была зафиксирована в докладе Римскому клубу «Пределы роста» [Медоуз и др. 1972]. Рост следовало заменить развитием: изменением, усложнением, совершенствованием общества при минимизации его воздействия на природу.

Экологические движения также заставили государства принимать жёсткие ограничения на выброс вредных веществ. Промышленные компании сопротивлялись давлению населения и государства одновременно, поскольку средоохранные меры требовали значительных затрат. В этот период были сформулированы основные способы решения проблем роста: радикальное изменение устройства социума, изменение его ценностной парадигмы, превращение экологических ограничений в фактор увеличения прибыли.

Примерно с середины 1980-х гг. последняя идея становится доминирующей в теории и на практике. Наиболее популярным направлением экологической политики в те годы была экологическая модернизация, которая должна была заменить рост развитием, сохранив в неприкосновенности процесс самовозрастания стоимости [Mol 1980]. Внедрялись низкозатратные управленческие и организационные инновации, которые позволяли не только снижать загрязнения, но и экономить ресурсы и тем самым увеличивать доход. Сомнения в эффективности такой модернизации были даже у менеджеров, непосредственно в неё вовлечённых: небольшие вложения не могут принести существенную прибыль. Тем не менее, экомодернизация, казалось бы, победила: через несколько лет удалось достичь чистоты городов, экологического комфорта проживания в них, добиться использования альтернативных источников энергии, экологически чистых материалов. Технологии усложнялись, развивались без экстенсивного роста, снижалась нагрузка на природу.

Однако экологическая идиллия наступила в развитых странах по иной причине. Компании бежали от жёстких социальных и экологических ограничений в Китай и другие

Осознание разницы между ростом и развитием началось в связи с экологическими проблемами. Бурный послевоенный промышленный рост привёл не только к повышению уровня благосостояния в развитых странах. Он сделал наглядными и физически ощутимыми экологические последствия функционирования современной индустрии.

страны Восточной Азии, где таковых не было вовсе. Общая картина оказалась не столь благостной: страны золотого миллиарда очистили место собственного проживания, не обращая внимания на остальную планету, где производство оборудования для альтернативной энергетики загрязняло окружающую среду.

Устранить рост из дихотомии не удалось, равно как и найти оптимальный баланс между ним и развитием. Противоречие было снято естественным для капитала образом: перетеканием в область неограниченного роста. После этого о его пределах не вспоминали долгие годы последнего времени. К катастрофическим последствиям роста возвращается доклад Римскому клубу 2018 г. В качестве их причины названо стремление капитала к безграничному самоувеличению: «Капиталисты заинтересованы в максимизации абсолютной прибыли и потому ищут возможностей снижения абсолютных затрат. Если капитал может мобильно перемещаться между государствами, он будет перемещаться в государства с самыми низкими абсолютными затратами» [Weizsäcker и др. 2018: 78]. Авторы доклада критикуют мировое устройство, основанное на свободе передвижения капитала, глобальные организации (ВТО, Мировой банк, Международный валютный фонд), которые не регулируют транснациональный капитал для всеобщего блага: «Вместо этого они увеличивают силу и рост финансового сектора и финансовых корпораций посредством выведения их из-под контроля национальных государств в сферу формирующегося корпоративного феодализма и открытого доступа ко всеобщему достоянию» [Weizsäcker и др. 2018: 79]. В качестве успешного примера приводят регулирование, осуществляющееся внутри Евросоюза [Weizsäcker и др. 2018: 91]. Итогом представленного в докладе анализа предлагаются пути достижения устойчивого развития мира. В определённой мере возвращаются идеи 1980-х гг., но на глобальном уровне, включая новые технологии и глобальное управление.

Доклад появился, когда несколько стран приблизились по своим экономическим позициям к странам золотого миллиарда, возникла перспектива повышения жизненного уровня в Индии и Китае. Этот потенциальный рост благосостояния действительно создаёт серьёзнейшую угрозу природе. С другой стороны, её длительное разрушение транснациональными корпорациями в этих странах долгое время не вызывало каких-либо вопросов. Очевидно также, что стремление развитых стран сохранить за собой высокий уровень потребления и комфорта никогда не будет принят остальными жителями планеты. Последних к тому же много лет учили, что развитие должно быть направлено исключительно в сторону Запада. Оптимальность Евросоюза как примера развития также вызывает сомнения, с ним очевидно не совсем согласны в Англии,

К катастрофическим последствиям роста возвращается доклад Римскому клубу 2018 г. В качестве их причины названо стремление капитала к безграничному самоувеличению.

Греции и ряде других стран. Его унифицирующее, выравнивающее «под одну гребёнку» технократическое устройство социологи отмечали в самом начале создания Евросоюза [Lash 1996]. Соответственно, использование его опыта в мировом масштабе в условиях действия механизмов увеличения капитала, возможно, не лучшее решение проблем роста.

Заключение

Долгие годы стремление догнать и перегнать Запад, перенять его достижения в сочетании с российской традицией развития действительно оказывалось плодотворным, оно в итоге создало российскую версию прогресса. Эта версия требует изучения, однако предыдущие исследования позволяют выявить ряд её особенностей: человек оставался человеком разумным, умеющим мыслить и решать нетривиальные задачи, сохранялась и развивалась культура, что определило сбалансированное направление развития гендерных и семейных отношений, в которых равенство достигалось без жёсткого нормирования, без утраты феминности и маскулинности.

В настоящее время страна переживает очередную попытку догнать и встроиться в современные тренды глобального развития. Инноваций в образовании, здравоохранении, управлении, соответствующих требованиям технологической системы, уже достаточно много. На встрече со своими доверенными лицами президент России В. Путин определил цель развития на шесть лет: «Мы должны обеспечить такой рывок в развитии страны по всем вышеперечисленным мною направлениям, придать такую динамику, чтобы после того, как эти будущие шесть лет пройдут, даже если в жизни страны наступят какие-то сбои, какие-то сложности, какие-то непредвиденные обстоятельства, чтобы набранный темп, инерция движения были такими мощными, чтобы Россия всё равно шла вперёд. Всё, что мешает идти вперёд, должно быть зачищено, отброшено»¹. Необходимость рывка обусловлена теми же причинами, что и во времена всех великих реформ: стране нужно выжить во враждебном мире, который так и не перестал быть колониальным, а лишь сменил формы зависимости.

Проблема заключается в том, что, как говорилось выше, вектор развития вызывает сомнения. Современный капитализм существенно отличается от капитализма времён протестантской этики, времён промышленной революции, который Россия догоняла в XIX в. и даже от модерна века

¹ Цит. по: Юрьева Н. 2018. Владимир Путин на встрече с доверенными лицами: Мы должны обеспечить рывок в развитии страны // Веб-сайт первого канала. URL: <https://www.1tv.ru/news/2018-01-30/340272-vladimir-putin-na-vstreche-s-doverennymi-litsami-my-dolzжны-obespechit-ryvok-v-razvitiy-strany> [Дата посещения: 19.02. 2018].

XX. Действительно ли нужно встраиваться в мировое устройство, в котором не остаётся места для человека, точнее, он превращается в подобие муравья? Стоит ли рисковать ценностями, культурой, наконец, интеллектом? Коллективный разум пока не способен принимать нестандартные решения, а технологическая система не способна функционировать в ситуации хаоса. Но даже идеально работающий муравейник вряд ли можно считать будущим, к которому следует стремиться. Необходимо проанализировать современные тенденции и точно определить направление развития. Возможно, в этот раз не следует совмещать его с западной глобальной современностью, так как не ясно, может ли, как и прежде, российская традиция перекрыть импортируемые модели развития в соответствии с российскими условиями и сохранить себя. Необходимо исследовать последствия внедрения «автоматического» управления, устраняющего человека с позиций субъекта действия.

В сфере развития для России характерно противоречие между двумя вариантами развития: западным и традиционным российским, а не между развитием и архаикой. Для обеспечения движения действительно вперёд, а не в тупик или к обрыву, нужно выявить движущие механизмы традиционного развития и понять логику их функционирования, оценить возможности и способы его соединения с современными технологиями в сфере материального производства, а также понять, есть ли способ избежать алгоритмизации всего жизненного пространства.

Библиографический список

Аксенова О. В. 2016. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации: [монография]. М.: Институт социологии РАН. 304 с.

Андреев А. Л. 2013. Российский социум как «другая Европа» // *Общественные науки и современность*. № 3. С. 70–79.

Фукуяма Ф. 2004. *Конец истории и последний человек*. М.: АСТ. 588 с.

Хабермас Ю. 1993. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма // *THESIS*. Вып. 2. С. 123–136.

Carson R. 1962. *Silent spring*. N. Y.: Houghton-Mifflin. 400 p.

Collins R. 1989. *Sociology: prescience or antiscience?* // *American Sociological Review*. February. Vol. 54. P. 124–139.

Ellul J. 1980. *The technological System*. N. Y.: Harper Torchbooks. 362 p.

Lash S., Szerszynsky B., Wynne B. (eds.). 1996. Risk, environment and modernity. L.: Sage/TCS. 304 p.

Latour B. 2005. Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford: Oxford University Press. 301 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. 1972. The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project of the Predicament of Mankind. London: Earth Island. 203 p.

Sassen S. 2005. The global city: introducing a concept // Brown journal of world affairs. № 11 (2). P. 27–43.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. 2018. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. N. Y.: Springer. XIV. 220 p.

What is development sociology? Department of development sociology. // Web-site of University of Bayreuth. URL: http://www.entwicklungssoziologie.uniayreuth.de/en/studies_teaching/What_is_ESoz/index.html [Дата посещения: 19.02.2018].

DOI: [10.19181/vis.2018.24.1.492](https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.492)

Modern Development. Towards Designating a Research Topic

Aksenova Olga Vladimirovna

Candidate of Sociological Sciences, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

Khaliy Irina Alberntovna

Doctor of Sociological Sciences, Main researcher, Head of Center for Political Science and Political Sociology, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. E-mail: illaio@yandex.ru

Abstract. This article examines such issues as studying the modern development of society. Its objective is to designate research problems and questions in order to analyze development in the West and in Russia. Shown are changes in the approaches toward the study of development throughout the course of a modern society's establishment, while exposing the peculiarities of industrial progress in the West from a perspective of changes occurring in the subjectness of people within manufacturing and management processes. Industrial development leads to the following results: the formation of a complex technological system which engulfs all areas of society's life, the simplification of human beings and everything associated with their (humans' and society's) reproduction, the loss of their position as a subject of action. The subject of action position is assumed by a complex system, however, it is not capable of functioning in unusual situations, and it is not capable of quickly mobilizing due to the commercial nature of its communications and interactions. Indicated are the specifics of Russian industrialization, its key difference from its Western counterpart being the fact that a person acts as a subject of progressive shifts, which are carried out consciously. The end result of development in this case is the emergence of a system within which complex labor is not completely algorithmized, the person retains freedom of action and remains its subject, people are still capable of solving unusual problems. The peculiarity of Russian progress also lies in the fact that it starts with copying Western models, which are then reworked

according to Russian tradition. Noted is a need for analyzing said tradition, which, according to research conducted by Russian sociologists, contains progressive values. The internal mechanisms of development in Russia are unclear and in need of analysis: they must be searched for within the cultural sphere, since the market throughout the entire course of Russian history has always been limited. Shown is the relativity of modern Russian conservatism, its conjunction with the pursuit of progress and a person's comprehensive development. The main contradiction when it comes to Russian development is the discrepancy between Russian and Western variants of such. The following conclusions are made: first of all, it is necessary to analyze modern tendencies which are traditionally considered as benchmarks for Russian development; second, there is a need for exposing the moving mechanisms of traditional development, for evaluating the possibilities and means for joining it with modern technology.

Keywords: development, progress, globalization, technological system, complicated action, algorithm, actor, culture, tradition.

References

Andreev A. L. Rossiyskiy sotziyom kak «drugaya Evropa» [Russian society as “another Europe”]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*, 2013, no 3, pp. 70–79 (in Russ.).

Aksenova O. V. Paradigma sotzial'nogo deystviya: professionaly v rossiyskoy modernizatsii [The paradigm of social action: professionals in the Russian modernization]. Moscow, IS RAS publ., 2016. 304 p. (in Russ.).

Carson R. *Silent spring*. New York, Houghton-Mifflin, 1962. 400 p.

Collins R. Sociology: prescience or antisience? *American Sociological Review*. 1989, February, vol. 54, pp. 124–139.

Ellul J. *The technological System*. New York, Harper Torchbooks, 1980. 362 p.

Fukuyama F. *Konets istorii i posledniy chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow, AST, 2004. 588 p. (in Russ.).

Habermas J. Otnosheniya mezhdu sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma [Das Verhältnis zwischen System und Lebenswelt im Spätkapitalismus]. *THESIS*, 1993, vol. 2, pp. 123–136. (in Russ.).

Lash S., Szerszynsky B., Wynne B. *Risk, environment and modernity*. London, Sage/TCS, 1996. 304 p.

Latour B. *Reassembling the social An Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford (UK), Oxford University Press, 2005. 301 p.

Meadows D. H., Meadows D. L., Randers J., Behrens III W. W. *The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project of the Predicament of Mankind*. London, Earth Island, 1972. 203 p.

Sassen S. *The global city: introducing a concept*. *Brown journal of world affairs*, 2005, no 11 (2), pp. 27–43.

Weizsäcker E. U. von, Wijkman A. *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York, Springer, 2018. 220 p.

What is development sociology? Department of development sociology. University of Bayreuth Official website. URL: http://www.entwicklungssoziologie.uniayreuth.de/en/studies_teaching/What_is_ESoz/index.html [date of visit: 19.02.2018].